

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ РЕСТАВРАЦИОННЫХ РАБОТ В ПРАВОСЛАВНОМ МОНАСТЫРЕ В 1830—1850-х гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ КОСТРОМСКОГО ИПАТЬЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ)

ЕПИСКОП ИОАНН (ПАВЛИХИН)

В данной статье, рассказывающей о ходе реставрационных работ в Костромском Ипатьевском монастыре в 1830—50-х гг., уделено особое внимание вопросам их организации в контексте происходившего в это время в России становления научных основ реставрации памятников архитектуры.

Реставрация памятников истории и архитектуры была и остается сложным явлением, в котором теснейшим образом переплетены различные социокультурные процессы. Однако в каждую историческую эпоху и в каждом регионе она имеет свою конкретную специфику. В истории реставрационных работ в России выделяется 2-я четв. XIX в., когда, по сути, были заложены научные основы реставрации памятников архитектуры. Становление научной реставрации проходило в сложных условиях, пробиваясь через господствовавшие тогда эстетические вкусы, преодолевая утилитарный подход к объектам исторического значения, нехватку, особенно в провинции, квалифицированных кадров реставраторов, ведомственные барьеры. Эта задача неизмеримо усложнялась, когда объектом реставрации становился действующий храм. Тем более возрастала сложность решаемых задач при реставрации исторического облика действующего православного монастыря.

В рамках одной статьи исследовать все многообразие вопросов, встававших перед реставраторами, не представляется возможным. Ограничимся лишь одной, но весьма существенной проблемой — проблемой организации проведения реставрационных работ. Рассмотрим организационные проблемы реставрации на примере работ в Костромском Ипатьевском монастыре в 1830—1850-х гг.

Выбор Костромского Ипатьевского монастыря в качестве объекта исследования определяется рядом факторов, среди которых — раннее время его появления, историческое и идеологическое значение обители для правившей в России царской династии, а также то обстоятельство, что Ипатьевский монастырь стал одним из первых опытов проведения комплексных реставрационных работ в русской провинции. Следует отметить, что проблемы реставрации церковной архитектуры, в том числе Костромского Ипатьевского монастыря, неоднократно

но освещались в литературе, однако главное внимание уделялось искусствоведческим аспектам: архитектуре, иконописи, стенописи¹. Задачей данной статьи является исследование организационных проблем реставрационных работ в православном монастыре.

7 октября 1834 г. Костромской Ипатьевский монастырь посетил император Николай Павлович. Высокий гость, огорченный бедностью, следами запустения и бросающимися в глаза архитектурными наслоениями предыдущих эпох, повелел придать «более наружного величия и благолепие соответствующее знаменитому происшествию, прославившему сие место, но вместе с тем сохраняя все уцелевшие доселе остатки архитектуры и вкуса того времени и применяясь к ним в новой отделке монастыря...»².

Высочайшее повеление об обновлении Ипатьевского монастыря в Костроме всеми было встречено с восторгом, но в ходе воплощения его в жизнь встретилось немало препятствий ведомственного характера. 21 мая 1840 г. преосвященный Костромской и Галичский Владимир получил доклад строительной комиссии, учрежденной при Костромском первоклассном Ипатьевском монастыре, в котором сообщалось, что губернский архитектор Стефан Попов, «вопреки своему обязательству, утвержденному Святейшим Синодом, от пристрастия за производством работ по Ипатьеву монастырю отказался, будто бы за множеством занятий, относящихся к его должности...»³. Костромская духовная консистория уведомила архитектора Попова, что без разрешения Св. Синода не может уволить его от взятых им на себя обязательств, но Попов повторно отказался приступить к своим обязанностям по надзору за строительными работами в монастыре. Член Костромской губернской строительной комиссии инженер Н. Н. Львов, согласившийся надзирать за работами, не получил разрешения от ведомства путей сообщения, которому подчинялись губернские строительные комиссии. И тут, казалось бы, судьба повернулась лицом к Ипатьевской обители. Уволенный от должности и проживавший в Костроме архитектор П. Фурсов поданным на имя Костромского преосвященного прошением «сам просил определить его производителем вышеписанных работ». Епархиальное начальство, не имевшее о нем сведений, запросило послужной список архитектора из губернского правления. Личная встреча Фурсова с епископом Владимиром не состоялась по причине болезни архитектора, а вскоре он скончался.

У епархиального начальства не оставалось иного выхода, кроме того чтобы обратиться за помощью к Св. Синоду. Духовные власти Костромской епархии предлагали два варианта решения проблемы. Один из них был связан с командированием в Кострому одного из столичных архитекторов, другой — с одобре-

¹ См. об этом: Архитектурное наследие и реставрация (Реставрация памятников истории и культуры России). М., 1984. *Баталов А. Л.* Принципы научной реконструкции памятников архитектуры // Современный облик памятников прошлого. М., 1983. *Он же.* Отношение к достоверности формы и подлинности материала в русской реставрационной практике второй половины XIX в. // История и теория реставрации памятников архитектуры: Сб. научных трудов ЦНИИТИА / под ред. А. С. Щенкова. М., 1986. Памятники архитектуры в дореволюционной России: Очерки истории архитектурной реставрации. М., 2002; и др.

² РГИА. Ф. 218. Оп. 4. Д. 2. Л. 1.

³ РГИА. Ф. 796. Оп. 116. Д. 447. Л. 104.

ния главноуправляющего путями сообщения и казенными зданиями привлечь к надзору инженера Львова «или понудить г-на губернского архитектора Попова, чтоб он не уклонялся от принятой им обязанности смотреть за производством работ...»⁴.

Отвечая на просьбу обер-прокурора Св. Синода графа Протасова, товарищ главноуправляющего путями сообщения и казенными зданиями генерал-лейтенант Девятнин уведомил, «что капитан Львов, хотя и известен ему как отличный офицер, по весьма хорошим его теоретическим познаниям в строительном искусстве, но принимая в соображение, что Ипатьевский монастырь перестраивается *во вкусе древней архитектуры* и предпринятая по сему случаю *работа суть особой важности*, он, г. товарищ главноуправляющего, находит возможным возложить на капитана Львова означенное поручение не иначе как совокупно с опытным архитектором»⁵ (курсив наш. — *en. И.*).

Таким образом, Девятнина беспокоило не столько выполнение высочайшего поручения, сколько сложность восстановления историко-архитектурного облика храма. Поэтому он пишет не о высочайшем повелении, а о работе «особой важности», имея в виду сложность и ответственность предстоящей «перестройки» монастыря. Ситуация была действительно сложной. Надлежало руководить одновременно ремонтными, реставрационными и строительными работами. Последние были связаны с задачами меморизации монастыря и включали возведение на верхнем этаже архиерейского дома надвратной церкви. В свете откровенного высказывания генерал-лейтенанта Девятнина упорный отказ П. А. Клейнмихеля неоднократным просьбам Св. Синода поручить надзор за работами в монастыре кому-либо из членов губернской строительной комиссии или одному из столичных архитекторов становится более понятным. Клейнмихель опасался, что реставрация может быть выполнена не на должном уровне. Он не хотел, чтобы возможная неудача «перестройки» монастыря в «духе» древней архитектуры была связана с его ведомством и вызвала недоброжелательные отклики в придворных кругах.

И тем не менее, вопреки крайней осторожности и противодействию Клейнмихеля, под наблюдением архитектора Попова и «при тщательном и единодушном действии» строительной комиссии при Ипатьевском монастыре «главные затруднения в постройке храма во имя Святых мучеников Хрисанфа и Дарии созидаемого побеждены: ибо храм уже выведен до свода и скоро вчерне совершится», — доносил епископ Владимир Св. Синоду 23 сентября 1840 г.⁶

Однако следующий год в судьбе монастыря был ознаменован печальным и трагическим событием — возведенный храм во имя Св. Хрисанфа и Дарии рухнул 2 августа 1841 г.

В Департаменте искусственных дел Главного управления путями сообщения и публичными зданиями, проанализировав документы, связанные с обстоятельствами крушения храма, пришли к выводу, что по причине неправильного снятия кружал в одно время из-под всех частей церкви, а равным образом от

⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 116. Д. 447. Л. 104 об. — 105.

⁵ Там же. Л. 112–112 об.

⁶ Там же. Л. 114 об.

употребления в дело материалов дурного качества и недостатка тщательности в производстве работ, церковь разрушилась...»⁷.

Следует отметить, что в Департаменте искусственных дел привели не все причины разрушения храма. В донесении епископа Владимира названы и другие факторы, приведшие к катастрофе: «во-первых, позд[н]овременное вынудение лесов и кружал, которые более 10-ти месяцев оставались в том храме и могли препятствовать осадке его, и во-вторых, сырость, закравшаяся в него от прошлого лета, которая не смотря на нынешнее жаркое лето не могла совершенно истребиться, особенно в стенах храма весьма толстых, ибо лето, в которое производилась кладка сего храма в 1840-м году, было самое дождливое»⁸.

Утверждение епископа Владимира о том, что позднее снятие кружал помешало осадке храма, получило подтверждение в выводах комиссии Департамента искусственных дел. В частности, там говорилось: «По постройке арок следовало немедленно разобрать под ними кружала, тогда арки приняли бы надлежащую осадку и получили необходимую устойчивость; после чего можно было бы без опасения возводить над ними своды и купол, но при сохранении кружал под арками до окончания постройки верхних частей церкви...»⁹ В заключении Департамента искусственных дел акценты были смещены: они игнорируют информацию о неблагоприятных погодных условиях как несущественную, делая упор на неправильности одновременного снятия кружал (иначе говоря, ошибка производителя работ и халатность надзора) и на низком качестве материалов, использованных при строительстве. В последнем случае вина падает и на подрядчика, и на надзирающих за строительством лиц: архитектора и монастырскую строительную комиссию. Косвенная вина ложится также на Костромскую духовную консисторию и на преосвященного Костромского и Галичского Владимира, обязанного контролировать строительство храмов в его епархии.

Анализируя мнения современников о причинах падения храма Св. Хрисанфа и Дарии, особо следует остановиться на недостатках архитектурного надзора. Характерно, что эта причина ни епископом Владимиром, ни монастырской строительной комиссией, ни Департаментом искусственных дел на первый план не выдвигается. Имплицитно в выводах Департамента она присутствует в обоих главных пунктах: об одновременном снятии кружал и о низком качестве строительных материалов. Однако признать прямо ошибки архитектурного надзора в Департаменте, вероятно, не хотели по причине того, что его осуществляли члены губернской строительной комиссии. Если признать ошибки и халатность надзора за работами, то архитектора Попова и инженера Львова следовало бы отдать под суд, а в этом Департамент не был заинтересован. Епископ Владимир фактически возлагает долю вины за случившееся также на упомянутых лиц, но делает это отнюдь не там, где пишет о причинах крушения храма. Лица, осуществлявшие надзор за строительством, появляются в его донесении позже, когда он сообщает, что освидетельствование останков храма не может быть осуществлено, ибо Попов и Львов находятся в командировках в уездных городах Костромской

⁷ РГИА. Ф. 218. Оп. 4. Д. 114. Л. 17 об.

⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 116. Д. 447. Л. 126–126 об.

⁹ Там же. Л. 204 об. — 205.

губернии¹⁰. Епископ Владимир понимал, что недостаточное внимание, уделяемое Поповым и Львовым надзору над сооружением храма, происходило из-за занятости на других объектах. Он также просил не возлагать и на него ответственность за случившееся, ибо постоянно прилагал «старание как бы согласно с Высочайшею волею привести их к благому концу. Жаль, что не было по сему искусного и свободного архитектора, который бы постоянно и неотлучно наблюдал за производством всех работ»¹¹.

Разрушение едва отстроенного храма Св. Хрисанфа и Дарии не было уникальным событием того времени. Недобросовестность подрядчиков, стремившихся наживиться на возводимых объектах, выбор дешевых некачественных материалов, стремление закончить строительство в сжатые сроки, отсутствие должного архитектурно-строительного надзора — все это вело к нарушению норм строительных работ артелями мастеровых.

Среди нескольких случаев разрушения построенных в Российской империи церквей в 1840—1850-е гг. наиболее известным и резонансным событием стало обрушение в 1850 г. купола только что возведенного в Томске Троицкого кафедрального собора. В Томске, как и в Костроме, главными причинами разрушения возведенного храма стали недобросовестность подрядчиков, использование некачественных материалов, ошибки при проведении строительных работ¹².

Подготовка новой проектно-сметной документации по храму Св. Хрисанфа и Дарии неожиданно затянулась. Дело застопорилось из-за бюрократического порядка организации реставрационных работ, а также скудости интеллектуальных ресурсов русской провинции. Исчислить смету духовное начальство Костромской епархии было в состоянии, но составить план возводимого храма и выполнить чертежи, необходимые для строительства, мог лишь профессиональный архитектор или инженер. Точнее, лишь дипломированные архитекторы и инженеры обладали таким правом.

Централизация управления культурой, характерная для всего имперского периода истории России, приобрела в царствование императора Николая I непререкаемый характер. В условиях строгой бюрократической отчетности было абсолютно невозможно привлечение к составлению проектно-сметной документации каких-либо не имевших диплома зодчих. Тем более в деле восстановления церкви в монастыре, который уже начал восприниматься как «колыбель Дома Романовых». Необходимые документы были подготовлены лишь в декабре 1845 г.¹³

В процессе работ по возобновлению храма всплыл вопрос о неудовлетворительном состоянии всего ансамбля Ипатьевского монастыря. Поэтому необходимо было, не ограничиваясь восстановлением храма Св. Хрисанфа и Дарии, провести ремонтно-восстановительные работы и на других монастырских объектах. Как следует из донесения епископа Иустина Св. Синоду, «оказывается, что до-

¹⁰ РГИА.Ф. 796. Оп. 116. Д. 447. Л. 127.

¹¹ Там же. Л. 127 об.

¹² О томском кафедральном соборе см.: *Евтропов К. Н.* История Троицкого кафедрального собора в Томске. Томск, 1904.

¹³ РГИА. Ф. 218. Оп. 4. Д. 114. Л. 2.

вольно значительная часть предписанных по высочайшему повелению построек и возобновлений в Ипатьевском монастыре кончена <...> остаются произведенными переделка Рождество-Богородицкого собора и возобновление шатровой колокольни, каковых переделки остановились единственно потому, что *некому составить планов, фасадов и смет*, ибо местная губернская строительная комиссия от составления оных решительно отказалась...»¹⁴ (курсив наш. — *еп. И.*).

Губернские строительные комиссии, вопреки довольно громкому названию и действительно обширным задачам, имели в своем штате, как правило, трех чиновников: председателя и двух архитекторов — губернского архитектора и его помощника. Правда, оставалась еще возможность привлечь к составлению проектно-сметной документации частных архитекторов. Как же обстояло дело с архитектурными силами в Костромской губернии, которые не были связаны со строительной комиссией? Обер-прокурор Св. Синода в отношении к господину главноуправляющему путями сообщения и публичными зданиями от 15 января 1847 г., ссылаясь на донесение Костромского епископа Иустина, разрешил все иллюзии относительно привлечения частных архитекторов к реконструкции монастыря: «а вольнопрактикующих архитекторов, которым можно бы было поручить сие дело, в Костромской губернии вовсе нет»¹⁵. В таких условиях, типичных для русской провинции того времени, обер-прокурор Св. Синода вынужден был просить о помощи главноуправляющего путями сообщения и публичными зданиями, «дабы костромская губернская строительная комиссия озаботилась удовлетворением требований по сему предмету местного епархиального начальства, имеющих целию, как выше изъяснено, исполнение Высочайшей воли Его Императорского Величества о возобновлении Ипатьевской обители»¹⁶.

Главнуправляющим путями сообщения и публичными зданиями в 1842—1855 гг. был граф П. А. Клейнмихель¹⁷. От позиции П. А. Клейнмихеля во многом зависел успех и особенно темпы реконструкции монастыря, предпринятой по высочайшему повелению. Весьма вероятно, что Клейнмихель, занятый делами по железнодорожному строительству и возведению или перестройке в те годы крупных казенных зданий, имевших общегосударственное значение, мог бы и не заметить очередной строительный объект в провинции. Однако после высочайшего повеления Клейнмихель как исполнительный чиновник вынужден был проявить определенное внимание к проблемам Ипатьевского монастыря. Вместе с тем принятые им меры были направлены в большей мере на канцелярскую переписку, имевшую цель минимизировать реальное участие своего ведомства в обновлении обители.

С ведомственными барьерами, тормозившими процесс реставрации на стадиях получения разрешения на производство работ и подготовки проектно-сметной документации, была сопряжена и финансовая составляющая. На эта-

¹⁴ РГИА. Ф. 218. Оп. 4. Д. 114. Л. 8—8 об.

¹⁵ Там же. Л. 8 об.

¹⁶ Там же. Л. 9.

¹⁷ См. о нем: *Экитут С. А.* Пигмей // Родина. 1993. №7; *Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи: 1802—1917. Биобиблиографический справочник. СПб., 2002. С. 326—328.

пе же непосредственной реставрации, чиновники ведомства путей сообщения и вовсе могли отозвать своих служащих с объекта, лишая строительные и ремонтные работы архитектурного надзора. В связи с неимением у монастырей средств, необходимых для проведения реставрационных работ, они вынуждены были обращаться за финансовой поддержкой в Св. Синод. Духовное ведомство располагало весьма ограниченными возможностями. В рассматриваемое время Св. Синод располагал лишь средствами на новое строительство и проведение ремонта. Масштабная комплексная реставрация монастырей — памятников истории и духовной культуры — не была осмыслена как самостоятельная задача, для решения которой должны выделяться государственные средства.

Планы реставрации, составленные архитекторами, одобренные главой епархии, поступали в ведомство путей сообщения, где вся проектно-сметная документация проверялась. Из Главного управления путями сообщения и казенными зданиями документы поступали в Св. Синод. Тот в свою очередь, располагая ограниченными ресурсами, вынужден был, как показывает история реставрационных работ в Костромском Ипатьевском монастыре, просить ведомство путей сообщения составить другой проект и смету работ, исходя из той суммы, которую реально Св. Синод мог выделить. Чиновники департамента смет Главного управления, не выходя из своих кабинетов, изменяли проект реставрации Ипатьевского монастыря архитектора К. А. Тона. В целях сокращения расходов на строительные работы они уменьшали в размерах строящиеся и перестраиваемые здания, разрушая при этом целостность восприятия реконструируемого историко-архитектурного ансамбля. Граф П. А. Клейнмихель с чувством честно выполненного служебного долга подписывал эти измененные чертежи и сметы, представляя их на высочайшее благоусмотрение.

В таком неблагоприятном бюрократическом контексте, когда ключевым игроком в строительных, ремонтных и реставрационных работах было ведомство путей сообщения, казалось бы, элементарные организационные проблемы затягивали на многие годы реставрацию Ипатьевского монастыря. Обер-прокурор Св. Синода граф Н. А. Протасов, раз за разом просителью обращаясь к Клейнмихелю, так и не решился хотя бы раз сообщить Николаю I о фактическом саботаже ведомством Клейнмихеля высочайшего распоряжения об обновлении Ипатьевской обители. Увы, графу Протасову неконфликтные отношения с могущественным Клейнмихелем были важнее реставрации одного из провинциальных монастырей в далекой от Петербурга Костроме, даже если этот монастырь подлежал реконструкции по высочайшему повелению. У придворных была своя логика и свои интересы, которые были для них важнее интересов порученного им дела, если оно не находилось постоянно в поле личного внимания суверена.

Следует заметить, что вопрос о составлении проектно-сметной документации мог быть решен без участия высокопоставленных петербургских сановников. Для этого епархиальному начальству требовалось лишь содействие губернских властей, ибо по положению губернские строительные комиссии подчинялись гражданским губернаторам или военным генерал-губернаторам в тех регионах Российской империи, где были учреждены генерал-губернаторства.

В управленческом плане ситуация осложнялась тем, что члены строительной комиссии подчинялись не только главе губернской администрации, но и ведомственному начальству — Департаменту искусственных дел Главного управления путями сообщения и публичными зданиями. Следует отметить, что, незадолго до высочайшего повеления императора Николая о приведении в лучший вид Ипатьевского монастыря, в 1833 г. строительная часть была передана из Министерства внутренних дел в управление путейцам. И если до этих преобразований архитекторы и инженеры, занимавшиеся в губерниях строительным делом, подчинялись лишь губернской администрации, то затем фактически возникло двойное подчинение. Это привело к дополнительному и довольно значительному документообороту, как показывает история реконструкции Ипатьевской обители в 1830–1850-х гг. Поэтому требовалось уже больше усилий и времени, чтобы согласовать между ведомствами вопросы обычного ремонта, не говоря уже о новом храмовом строительстве или масштабной реставрации монастыря.

К сожалению, духовная власть Костромской епархии не встретила понимания и поддержки светской власти Костромской губернии. Губернатор не пошел навстречу просьбе епископа, и вопрос был перенесен в петербургские правительственные сферы.

Когда же все вопросы о строительстве храма Св. Хрисанфа и Дарии между ведомствами были согласованы и решены, на свет явилась все та же провинциальная нехватка архитектурных кадров. В ходе затянувшейся переписки между ведомством путей сообщения и Святейшим Синодом, казалось бы, удалось найти компромисс. Члены Костромской губернской строительной комиссии, жаловавшиеся на большую занятость по строительству казенных зданий во всей губернии, согласились за вознаграждение в свободное от основной работы время осуществлять архитектурно-строительный надзор над сооружением храма. У костромского начальства в лице преосвященного, военного и гражданского губернаторов, как и у имперских властей, представленных Св. Синодом и Главным управлением путями сообщения и казенными зданиями, было безвыходное положение. Выполнение высочайшей воли оказалось в непосредственной зависимости от членов костромской строительной комиссии. Поэтому они с облегчением приняли условия, предложенные губернским архитектором Григорьевым. Григорьев заявил, что готов охотно выполнять высочайшую волю, если на то последует разрешение господина военного губернатора Костромы. Он согласился принять на себя надзор за ходом строительных работ за 700 руб. сер. в год¹⁸.

Военный губернатор Костромы, как и все заинтересованные в исполнении воли государя императора, облеченные властью лица, вздохнули спокойно. Тем неожиданнее оказалось отношение Департамента искусственных дел на имя обер-прокурора Св. Синода от 9 августа 1849 г. В нем, со ссылкой на донесения военного и гражданского губернаторов г. Костромы, сообщалось, что губернский архитектор Григорьев, «по случаю вновь возложенных на него по прямой его обязанности поручений во многих губернии городах, не может принять на себя звание производителя работ...»¹⁹.

¹⁸ РГИА. Ф. 218. Оп. 4. Д. 114. Л. 60 об.

¹⁹ Там же. Л. 88.

В архивных делах, связанных с ремонтом и реконструкцией Ипатьевского монастыря, из делопроизводств Св. Синода и Департамента искусственных дел Главного управления путями сообщения и публичными зданиями нет данных, которые бы позволили разобраться в истинных мотивах отказа архитектора Григорьева от руководства работами по возведению храма Св. Хрисанфа и Дарии. Утрата документов костромского архива не позволяет точно уяснить причины, побудившие губернского архитектора Григорьева отказаться от выполнения взятых на себя обязательств. Поэтому реконструкция поведения Григорьева будет опираться не только на официальное объяснение отказа, которое он дал в июне 1849 г. на запрос чиновников из Санкт-Петербурга, но и на негативную позицию в этом вопросе военного губернатора Костромы, которая не представлена открыто в официальной переписке, а была скорее закамуфлирована.

Костромской гражданский губернатор уведомил 7 июня 1849 г. столичных чиновников о причинах, повлиявших на отказ Григорьева от надзора за строительными работами в монастыре. Отвечая на поставленный вопрос, архитектор Григорьев объяснил, «что первоначально изъявлено им было согласие принять на себя надзор за постройкою означенной церкви *единственно для споспешествования к исполнению высочайшего повеления* и при том с помощью особенно знающего производство работ художника, на наем коего равно и на чертежные надобности просил ассигновать 700 руб. сер. в год»²⁰ (курсив наш. — *en. И.*). Выделенное нами место из объяснения губернского архитектора действительно многое делает понятным. И для Григорьева, и для обер-прокурора Синода Протасова, и для главноуправляющего путями сообщения Клейнмихеля, и для костромского военного губернатора Ипатьевский монастырь — *это не сакральное место, а объект, нуждающийся в реконструкции*. И они прилагают свои усилия к решению возникающих проблем лишь потому, что такова высочайшая воля государя императора, которую следует все же исполнить.

Возвращаясь непосредственно к самому объяснению Григорьева, отметим, что далее в нем выясняется не вполне благовидная роль ведомства путей сообщения. Архитектор писал, что, «принимая на себя эту обязанность, он находил тогда возможным выполнить оную по неимению в руках многих предметов, требующих исполнения по настоящей своей должности, и потому, что *надзор за упомянутою постройкою будет возложен на него наравне с прочими поручениями начальства*, так что в случае отвлечения его на продолжительное время по другим работам, могли бы заменить этот надзор кто-либо из наличных членов комиссии по искусственной части...»²¹ (курсив наш. — *en. И.*). Такому объяснению трудно отказать в логике. Однако благой порыв архитектора Григорьева был остановлен непреодолимым ведомственным барьером. Безыскусное объяснение архитектора Григорьева проливает свет на ведомственные противоречия и помогает лучше понять позицию Клейнмихеля в этом вопросе. Для Клейнмихеля и чиновников его аппарата в иерархии приоритетов строительных работ в Костромской губернии возведение храма во имя Св. Хрисанфа и Дарии занимает одно из нижних мест. Для них главное — объекты, которые поручено возводить их ведомству.

²⁰ РГИА. Ф. 218. Оп. 4. Д. 390. Л. 15 об. — 16.

²¹ Там же. Л. 16–16 об.

Прежде всего, здания общеимперской важности в двух столицах. Все остальные объекты, расположенные в провинции, даже если это храм, возводимый по высочайшей воле, в их представлении не являются действительно сколько-нибудь значимыми в социальном и в духовном плане.

В создавшейся обстановке у Св. Синода не было иного выхода, как обратиться к Костромскому преосвященному с предложением «озаботиться приисканием» уже не архитектора (у обер-прокурора Св. Синода уже не было никаких иллюзий на этот счет), а «кого-либо из свободных художников, сведущих и опытных в архитектурном деле»²². Гипотетически существовала также возможность командировать из Москвы или Петербурга архитектора для архитектурно-строительного надзора за ходом работ. Однако такое предложение в официальных документах не было зафиксировано. Разумеется, это не означает, что оно не обсуждалось в Департаменте или в Св. Синоде. Против командирования какого-либо столичного архитектора было несколько обстоятельств. Приведем лишь главные из них: во-первых, против командирования штатного архитектора на четыре года в провинцию было бы любое ведомство, к которому принадлежал архитектор; во-вторых, это привело бы к большим издержкам со стороны Св. Синода, чем наем архитектора на месте, так как необходимо было бы оплатить прогонные, квартирные и столовые деньги; в-третьих, для архитекторов, имевших частную практику в Москве или Санкт-Петербурге, такой шаг означал бы в перспективе неизбежную потерю клиентов; в-четвертых, против были также профессиональные амбиции архитекторов, которым пришлось бы возводить храм по чужому проекту; наконец, поручить это ответственное дело начинающему архитектору было слишком рискованным. Впрочем, Св. Синод готов был пойти на дополнительные расходы, однако, как сообщалось в одном из отношений графа Протасова к графу Клейнмихелю, «на временный отъезд туда [в Кострому] никто не соглашается...»²³. Поэтому в Св. Синоде поиски архитектора для Ипатьевского монастыря вновь переложили на Костромского преосвященного. Эти поиски, как сообщал обер-прокурор Св. Синода граф Протасов главноуправляющему путями сообщения и публичными зданиями графу Клейнмихелю 5 декабря 1850 г., как будто бы завершились успехом. Преосвященный Костромской убедил принять на себя «помянутую обязанность» состоящего при Костромской палате государственных имуществ гражданского инженера коллежского асессора Михайлова, но Министерство государственных имуществ «не нашло возможным поручить таковое занятие по причине возложенных на него поручений при полюбовном размежевании земель»²⁴.

В создавшейся ситуации у Костромского преосвященного, для разрешения проблемы с приисканием опытного в строительном деле архитектора, не было иного выхода, как пойти по второму кругу — попытаться воспользоваться услугами архитекторов и строительных инженеров из костромской строительной комиссии. Однако, не встречая понимания со стороны светских властей Костромской губернии, он вынужден был обратиться за поддержкой в Св. Синод. В но-

²² РГИА. Ф. 218. Оп. 4. Д. 390. Л. 2.

²³ Там же. Л. 3.

²⁴ Там же. Л. 2 об.

вом отношении обер-прокурора Св. Синода к главноуправляющему путями сообщения и казенными зданиями подчеркивалось, что «Ипатьевский монастырь возобновляется по высочайшей его императорского величества воле, которая в продолжение нескольких лет не приводится к окончательному исполнению, собственно по неимению у епархиального начальства опытного по строительной части человека, на которого можно было бы с уверенностью возложить наблюдение за предположенными там сооружениями; принимаемые же со стороны духовного ведомства старания к приисканию для сего архитектора оказались без успеха, потому что вольнопрактикующих архитекторов в г. Костроме вовсе нет, а на временной отъезд туда никто не соглашается». Поэтому граф Протасов просил «об оказании содействия к приведению в исполнение означенной *высочайшей воли* поручением надзора за предположенными постройками в Ипатьевском монастыре кому-либо из членов губернской строительной комиссии...»²⁵ (курсив наш. — *еп. И.*). Ведомство графа Клейнмихеля ограничилось формальным запросом в костромскую губернскую строительную комиссию, однако уже сама формулировка вопроса, возможно ли возложить на кого-либо из ее членов надзор за строительством храма без ущерба для основных занятий, подразумевала и отрицательный ответ. О чем 21 января 1851 г. Клейнмихель и уведомил графа Протасова²⁶. Тогда 8 марта 1851 г. в третий раз граф Протасов вынужден был обратиться к Клейнмихелю за содействием, прося «назначить из Главного управления путей сообщения и публичных зданий для отъезда в Кострому особого инженера, которому могло быть поручено наблюдение за вышеозначенными работами с определенным за труды его вознаграждением»²⁷. Клейнмихель в отношении от 28 марта 1851 г. вновь отказал в просьбе, ссылаясь на недостаток инженеров в своем ведомстве²⁸.

Новая постройка храма Св. Хрисанфа и Дарии была начата по указу Св. Синода от 25 марта 1854 г. Возведение храма было завершено в августе 1858 г. В следующем 1859 г., 10 мая, возведенный храм был торжественно освящен епископом Платоном²⁹.

Сооружение храма Св. Хрисанфа и Дарии, осуществляемое по высочайшему повелению в рамках общего проекта по обновлению Ипатьевской обители, позволяет нам лучше понять те проблемы, с которыми приходилось сталкиваться при реставрации памятников духовного зодчества в XIX в. Проблемы организационного характера, усиленные из-за чрезмерной бюрократической централизации строительных и реставрационных работ в Главном управлении путями сообщения и казенными зданиями, а также социокультурные, связанные с нехваткой квалифицированных кадров для архитектурно-реставрационных и живописно-реставрационных работ. Ограниченность в средствах, выделяемых на храмовое строительство, также вносила существенные коррективы в реализа-

²⁵ РГИА. Ф. 218. Оп. 4. Д. 390. Л. 5 об. — 7.

²⁶ Там же. Л. 21—21 об.

²⁷ Там же. Л. 22 об.

²⁸ Там же. Л. 23—23 об.

²⁹ *Островский П.* Историко-статистическое описание Костромского первоклассного кафедрального Ипатьевского монастыря. С. 75—76.

цию концепции обновления монастыря. Стремление Св. Синода к сокращению расходов вело к тому, что в путейском ведомстве просто уменьшали размеры возводимых церковных объектов, что не могло, разумеется, благотворно сказаться на облике обители. Увы, культура русской провинции 1-й пол. XIX в. страдала не только от бюрократических препон, но и от постоянной нехватки квалифицированных кадров для реставрации историко-духовных памятников прошлого. В качестве доказательства этого утверждения приведем еще один пример отступления от первоначального замысла архитектора К. А. Тона при сооружении церкви Св. Хрисанфа и Дарии. По высочайше утвержденному проекту архитектора К. А. Тона 1842 г., в проезде под церковью надлежало сделать дубовые ворота с резьбой и «изображением святых на филенках». Временная строительная комиссия Ипатьевского монастыря в свое время, при подготовке проектной документации, умолчала о неясных для нее моментах, связанных с сооружением Св. ворот. Возможно, комиссия поступила так не по недосмотру, а действуя по заранее обдуманной тактике. Суть этой тактики состояла в том, чтобы в условиях сокращения сметы и, соответственно, размеров церкви, умолчать вообще о резных дубовых воротах, а поднять этот вопрос, когда надвратная церковь уже будет сооружена. После же возведения церкви ходатайствовать о выделении дополнительных средств на устройство дубовых ворот, отделанных резьбой. Такой план был разумным и исторически оправданным. Однако предложение строительной комиссии о реализации проекта сооружения ворот вызывает серьезные возражения. Итак, что же предложила строительная комиссия монастыря? Строительная комиссия в очередной раз попыталась поправить проект К. А. Тона. Каковы были мотивы этого предложения и какие аргументы выдвинула комиссия для его обоснования? Комиссия утверждала, что из-за сырости живописные изображения на воротах не могут долго сохраняться. Казалось бы, напрашивался логичный вывод: изображения святых на Св. вратах должны быть резными. Однако комиссия утверждала, что в Костроме нет искусных резчиков по дубу, поэтому предложила вырезать на воротах не изображения святых, а «арабески». Целесообразность этой замены комиссия объясняла, прежде всего, отсутствием квалифицированных резчиков по дереву, а также тем обстоятельством, что подобные арабески украшают «ворота при входе в паперть Троицкого собора». Таким образом, по мнению комиссии, будет соблюдено единство стиля в отделке монастыря. Предложения комиссии поддержал Костромской преосвященный епископ Филофей в своем отношении в Св. Синод. Дальше последовало обычное отношение обер-прокурора Св. Синода в Главное управление путями сообщения и казенными зданиями. Департаменты Главного управления пошли по уже хорошо знакомой нам схеме упрощения и удешевления проекта. Однако во главе ведомства стоял уже не лютеранин Клейнмихель, человек, как показывает его роль в реконструкции Ипатьевского монастыря, глубоко индифферентный к нуждам Русской Православной Церкви, а православный дворянин Константин Владимирович Чевкин. Чевкин полагал «неудобным входить с докладом к Государю Императору об изменении рисунка, приновленного к общему стилю сооружения». Он считал нужным выполнить резьбу на филенках по высочайше утвержденному плану и предложить синодальному обер-прокурору принять на

средства Св. Синода расходы по резьбе на воротах³⁰. Что и было им сделано в отношении от 22 мая 1856 г. к исполнявшему должность обер-прокурора Св. Синода. В отношении К. В. Чевкина категорически отвергалось ходатайство монастырской строительной комиссии, поддержанное Костромским епископом и Св. Синодом: «Признавая неудобным изменять по одному лишь неимению мастеров в Костроме Высочайше утвержденный рисунок ворот, приноровленный к общему стилю сооружения». Далее Чевкин рекомендовал принять предлагаемое обязательство «здесьнего» (петербургского) купца Скворцова, который брал на себя обязательство устроить ворота, «согласно утвержденному рисунку, из дуба с резными украшениями и фигурами за 1500 руб. сер., а с накладными гальванопластическими калевками и таковыми же фигурами за 4000 руб. сереб.»³¹. К. В. Чевкин в отличие от своего предшественника — графа Клейнмихеля — и обер-прокурора Св. Синода графа Протасова смотрел на проблемы системно и готов был решать встававшие задачи не формально-бюрократически, а творчески.

К. В. Чевкин отклонил также проект устройства иконостаса в церкви Св. Хрисанфа и Дарии, выполненный костромским епархиальным архитектором Поповым. Проект дорабатывался уже в Департаменте проектов и смет³². 30 августа 1856 г. К. В. Чевкин представил всеподданнейший доклад с доработанным проектом иконостаса церкви Св. Хрисанфа и Дарии. Император Александр II в тот же день, в Москве, одобрил проект иконостаса³³. Таким образом, деятельность К. В. Чевкина зримо демонстрирует образец того, что ведомственные барьеры могли быть достаточно легко преодолимы при наличии у лиц, возглавлявших ведомства, готовности к сотрудничеству и понимания важности реставрации объектов исторического значения.

Ключевые слова: реставрационные работы, историко-архивный облик храма, Костромской Ипатьевский монастырь, Святейший Синод, Департамент искусственных дел, Управление путями сообщения и публичными зданиями.

³⁰ РГИА. Ф. 218. Оп. 4. Д. 730. Л. 8 об. — 9.

³¹ Там же. Л. 11—11 об.

³² Там же. Л. 13—13 об.

³³ Там же. Л. 15.

**RESTORATION WORKS IN ORTHODOX MONASTERIES
IN 1830s–1850s
(BASED ON THE EXAMPLE OF IPATIEV MONASTERY IN KOSTROMA)
BY BISHOP IOANN (PAVLICHIN)**

This article describes restoration works carried out in Ipatiev monastery in Kostroma in 1830s–1850s through the prism of the scientific approach to restoring architectural monuments which was only emerging in the given time period.

Keywords: restoration works, historical and architectural of a church, Ipatiev monastery in Kostroma, Department of arts, of roads and public buildings.